

«ПЛАЧЬ, МУЗА, ПЛАЧЬ!...» Цветаева и Байрон

Антонина Кузнецова

В 2017 году праздновалось 125-летие Марины Цветаевой, а в январе 2018-го нас ждет еще одна важная дата — 230 лет со дня рождения Джорджа Гордона Байрона. Их имена оказываются рядом совсем не случайно...

Почти нигде не упоминается поэт Байрон, всюду — романтический, роковой герой, проживший короткую бурную жизнь и погибший за свободу. Как писала Марина Цветаева в статье «Эпос и лирика современной России», «...свободу других, (у поэта своя свобода), равенство возможностей, и братство, которым каждый поэт, несмотря на свое одиночество... переполнен до самых краев сердца».

Сегодня Байрон не в моде, почти никто не знает его произведений, а жаль. Знают только Чайльд-Гарольда — символ разочарованности. А в XIX веке он был на вершине славы и поэты пушкинской поры обращались к нему часто.

Помните, у Пушкина? — «Прямым Онегин Чайльд-Гарольдом вдался в задумчивую лень...»

Не стану анализировать личность и творчество Бай-

рона (не место и не время), только напомним, что в европейских культурах он был и остался лидером поэзии «мировой скорби». В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» мне очень понравилось определение байронизма: «Литературное настроение, представляющее собою один из эпизодов поэзии «мировой скорби» и ведущее свое начало от английского поэта Дж. Г. Н. Байрона». И далее рассказывается, какое влияние оказал Байрон (и личностью своей и поэзией) на лучшие умы и дарования своего времени и последующих времен.

Впрочем, напомним некоторые вехи его биографии, чтобы было понятно, к кому обращает Марина Цветаева свои восторги и размышления и любовь. Он — романтик, она — тоже. Он — ее кумир.

Байрон уехал навсегда из Англии и жил сначала в Албании, затем в Швейцарии, Италии... В 1819 году он сблизился с карбонариями, готовящими восстание против австрийского владычества в Италии. После разгрома карбонариев (в 1822 году) он принял участие в освободительной борьбе Греции против Турции. Он вооружил на собственные средства отряд греческих патриотов и отправился с ними в Грецию. В конце пути Байрон заболел тяжелой лихорадкой, но не захотел покинуть лагерь. Болезнь осложнилась и 19 апреля 1824 года Байрон умер в осажденном греческом городе Миссолонги. Ему было 36 лет.

Марина Цветаева вспоминает Байрона сначала в литературном контексте своего сознания и почти всегда в компании других вершин: Наполеона, Бетховена, Гейне.

Он всегда был для нее — символ. Символ эпохи, символ совершенства, высоты, красоты и полного неприятия жизни.

Стремилась ли она когда-нибудь к этим вершинам? Хотелось ли ей достичь этих высот? — Нет! У нее свой путь. Осознание его пришло рано.

*Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.
Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Я не жила, — так было встарь.
Что было встарь, — то будет снова.*

Но любоваться чужим совершенством — да! Из письма к Б.Л. Пастернаку: «Вы, Пастернак, в полной чистоте сердца — мой первый поэт, т. е. судьба, разворачивающаяся на моих глазах, и я так же спокойно говорю Пастернак, как — Байрон».

«Кто может рассказать о поэтическом пути (беру самых великих и бесспорных лириков) Гейне, Байрона,

Байрон в Греции

Шелли, Верлена, Лермонтова? Они заполнили мир своими чувствами, воплями, вздохами и видениями, залили его своими слезами, зажгли со всех четырех сторон своим негодованием...

Учимся ли мы у них? Нет. Из-за них и за них страдают», — из статьи «Поэты с историей и без истории».

Если бы Байрон только скорбел, вряд ли он был бы столь притягателен, ибо скорбеть умеют в поэзии многие. В творчестве Байрона была самая притягивающая и загадочная черта, присущая, пожалуй, только жителям Альбиона — соединение скорби с иронией.

БАЙРОН, «ДОН ЖУАН», ПЕСНЬ X, СТРОФА 66

*Я, правда, не имею основанья
Сей остров с должной нежностью любить,
Хотя и признаю, что англичане
Прекрасной нацией могли бы быть.
Но за семь лет — обычный срок изгнанья
И высылки — пора бы позабыть
Минувшие обиды, явно зная:
Летит ко всем чертям страна родная.*

БАЙРОН, «ДОН ЖУАН», ПЕСНЬ IX

*Ей богу, даже сам Наполеон
Пожалуй, не имел такого случая —
Спассти от кучки деспотов закон,
В Европе утвердить благополучие.
А вышло что? Победы шум и звон
И пышных славословий благозвучие
Стихают, а за ними все слышней
Проклятья нищей родины твоей!*

(это о Веллингтоне)

«ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА»

(о Наполеоне)

*Ему был нужен Славы ореол,
И это все. Он раболепство встретил,
Но сердцем он был глух. Куда он шел?
И в Цезари — с какою целью метил?
Чем, кроме славы, жил? Он сам бы не ответил.
«Ничто иль все», таков Наполеон.
А не накличь он свой венец печальный,
Он был бы, словно Цезарь, погребен,
Чтоб прах его топтал турист нахальный*

«Пушкинские стихи «К морю», например, с тенями Наполеона и Байрона на вечном фоне Океана».

*Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы;
Там угасал Наполеон...*

О, прочти я эти строки раньше, я бы не спросила: «Мама, что такое Наполеон?» — Наполеон — тот, кто погиб среди мучений, тот, кого замучили. Разве мало, чтобы полюбить на всю жизнь?

*Там он почил среди мучений
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.
Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шумы, волнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.*

Вижу звездочку и внизу сноску: Байрон.

Но уже не вижу звездочки; вижу: над чем-то, что есть — море, с головой из лучей, с телом из тучи, мчится гений. Его зовут Байрон.

С этой минуты я ехала к Морю, весь этот бесконечный месяц одиноко и непрерывно ехала К Морю. Весь этот Бесконечный месяц одиноко и непрерывно ехала к Морю.

Ничего зрительного и предметного в моем К Морю не

Марина Цветаева

было, — были шумы... и смутные видения — того Байрона и того Наполеона, которых я даже не знала лиц».

С этого времени Марина Цветаева охвачена и захвачена Байроном.

В 1911 году — стихотворение «Поклонник Байрона».

*Ему в окно стучатся розы
Струится вкрадчивый аккорд...
Он не изменит гордой позы
Поклонник Байрона — он горд.
В саду из бархата и блесок
Шалит с пастушкою амур.
Не улыбается подросток,
Поклонник Байрона, — он хмур.
Чу! За окном плесканье весел,
На подоконнике букет...
Он задрожал, он книгу бросил.
Прости поклоннику, поэт!*

Байрон всюду. В 1913 году стихи, адресованные дочери Але.

*Аля! — Маленькая тень
На огромном горизонте.*

Сергей Эфрон и
Марина Цветаева

*Тщетно говорю; не троньте.
Будет день —*

Затем мать предсказывает дочери все радости жизни, которые ждут ее:

*Целый день — на скакуне,
А ночами — черный кофе,
Лорда Байрона в огне
Тонкий профиль.*

В записной книжке от того же, 1913 года — черновик:

*Целый день **настороже**,
А ночами **черный кофе**,
Лорда Байрона **в душе**
Тонкий **профиль**.*

Мне больше нравится окончательный вариант. Хотя, «лорда Байрона в душе тонкий профиль» — тоже срывает.

Или: «...последний портрет **матери**, где она так похожа на Байрона»...

В том же году — стихотворение «Байрону»:

*Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре ваших дней,*

*Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.*

.....
.....
*Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы — мне, я — Вам.
Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.*

В письме Петру Эфрону /10 июля 1914г./:

«Вчера, возвращаясь от Вас на трамвае, я все повторяла стихи Байрону, где каждое слово — Вам. Как Вы адски чутки!»

В 1913 году в стихотворении «Встреча с Пушкиным»:

*Как я люблю огонек папирасы
В бархатной чаще аллей,
Комедиантов и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя; Марина,
Байрона и болеро...*

В 1915 году /25сент./

* * *

Лорд Байрон! —
Вы меня забыли!
Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?
На плечи шаль
Накидывали мне не Вы ли?
И кудри — жесткие от пыли —
Разглаживала Вам — не я ль?
.....

Оба эти стихотворения вошли в цикл — Сергею Эфрону-Дурново. В цикле 12 стихотворений. Ее любимые герои: Наполеон, Байрон, генералы 1812-го года... те, кто воевал, кто боролся. Период в ее жизни, когда она любила воинов. В конце октября 1918 года от Сергея Эфрона приходит письмо (послано 26-ого октября из Коктебеля).

С.Я. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

В Москву
26 октября 1918 г.
Коктебель

Дорогая, родная моя Мариночка,

Как я не хотел этого, какие меры против этого не принимал — мне все же приходится уезжать в Добровольческую Армию.

— Я Вас ожидал в Коктебеле пять месяцев, послал за это время Вам не менее пятнадцати писем, в которых умолял Вас как можно скорее приехать сюда с Алей. Очевидно, мои письма не дошли, либо Ваши обстоятельства сложились так, что Вы не смогли выехать. Все, о чем Вы меня просили в письме — я исполнил. Я ожидал Вас здесь до тех пор, пока это было для меня возможно. У меня не было денег — я, против своего обыкновения, занимал у кого только можно, чтобы только дотянуть до Вашего приезда. Занимать больше не у кого. Денег у меня не осталось ни копейки. Кроме этого и ждать-то Вас у меня теперь нет причин — Троцкий окончательно закрыл границы и никого из Москвы под страхом смертной казни не выпускают.

С ужасом думаю о Вашем житье в Москве. Слышал о «неделе бедноты» — устроенной большевиками. Дай Господи, чтобы это все кончилось для вас благополучно. Надеюсь, Никодим как всегда, вас спасет.

Вернее всего, что Добровольческая Армия начнет движение на Великороссию. Я постараюсь принять в этом движении непосредственное участие — это даст мне возможность увидеть Вас.

Но может случиться, что я попаду против своего желания в отряд,двигающийся в другом направлении. Тогда не приходите в ужас, ежели среди войск, вступивших в Москву, меня не будет. Это значит, что я нахожусь в данный момент в другом месте.
.....

Теперь о главном, Мариночка, — знайте, что Ваше имя я крепко ношу в сердце, что бы ни было — я Ваш вечный и верный друг. Так обо мне всегда и думайте. Моя

Лорд Джордж Гордон Байрон

последняя и самая большая просьба к Вам — живите. Не отравляйте свои дни излишними волнениями и ненужной болью. Все образуется и все будет хорошо. При всяком удобном случае — буду Вам писать.

Целую Вас, Алю и Ириночку.

Ваш преданный

(Вместо подписи — рисунок льва)

После пронзительного стихотворения, приведенного выше, Байрон не появится в ее стихах никогда. В прозе, дневниках — да, в стихах — нет. Если быть точной, то его образ будет упомянут только однажды — в марте 1925 г. в поэме «Крысолов».

В других городах,
В моих (через край — город),
Мужья видят дев
Морских, жены — Байронов...

Но это уже — как символ множественности, это уже не ее Байрон.

О Байроне-творце она говорит: «Он — символ».

14 ноября 1919 г.

Из Записной книжки:

Алин отъезд в приют.

«Стоя на коленях, укладываю ей в ее корзиночку: каплю белья (все равно украдут), тетрадку старого времени — с хорошей бумагой, книжки... Чистякова «Биографические рассказы» (о Байроне, Бетховене, Наполеоне и т.д.).»

Февраль 1920 г.

«Готовила книгу с 13 по 15 годы — старые стихи воскресали и воскрешали, я исправляла и наряжала их, безумно увлекаясь собой двадцати лет и всеми, кого я тогда любила: собою — Алей — Сережей — Асей — Петром Эфроном — Соней Парнок — своей молодой бабушкой — генералами двенадцатого года — Байроном — и не перечислишь!»

1921 г. (Сводная тетрадь)

«Черная работа по стихам, это детские пеленки + возможность Байрона. Имажинистская работа по стихам, это детские пеленки + невозможность Байрона.»

Неизбывное стояние над корытом, где белье все грязней и грязней».

Впрочем, одно стихотворение ее сразило — на всю жизнь.

10 мая 1920 г. она записывает:

«...Вчерашний вечер с Худолеевым. Прекрасно прочел «Послание Юсупову» и одни стихи Байрона, — обе вещи я слышала в первый раз, сидела с горящими глазами и жаром в горле, — нет слов!»

(Сразу требуется пояснение: Худолеев Иван Николаевич — артист Малого театра, «Послание к Юсупову» — стихотворение Пушкина «К вельможе», «одни стихи Байрона» — это стихотворение «Эвтаназия»).

13 мая 1920 г.

«Чувствую, что стихи Байрона, которые тогда говорил Худолеев — и которые я смутно помню... будут неким эпиграфом к моей теперешней жизни. — Обращу их к себе же».

Неведомый Худолеев читал в тот вечер стихотворение Байрона «Эвтаназия», вот его начало:

*Придет — и вступит
Смерть в мой дом.
Тогда овей меня, забвены
Всепримиряющим крылом.*

А вот последняя строфа:

*Он близок, день, зовущий к тризне,
Сочти же блага прошлых дней,
И ты поймешь: кем ни был в жизни,
Не быть — прекрасней и верней.*

Лорд Джордж Гордон Байрон

И через 12 лет она будет помнить эти стихи (вернее, не стихи, а мысли).

«Я конечно кончу самоубийством. И может быть, я умру не от того, что здесь плохо, а оттого, что «там хорошо». Я не хочу умереть, я хочу — не быть».

Уже почти к концу работы над этой маленькой статьей, когда мне все казалось почти ясным (кроме «Я берек покидал туманный Альбиона» — загадочный и сейчас), вдруг пришла мысль: а ведь Бодлер был так же зачарован Байроном, как и Марина Цветаева. Его — Бодлера — «Плавание» в переводе Марины Цветаевой — это вариации на тему Чайльд-Гарольда. Размышления о жизни (ее смысле и ее бессмысленности) — те же, финал нашего бытия — тот же.

Сам Бодлер пишет своему противнику Максиму Цю Кану, которому посвятил эту поэму: «Если Вам не понравится последовательно байроновский тон стихотворения, или, если бы Вы были задеты моими шутками по поводу прогресса, либо тем, что путешественник видел только банальное, либо чем-нибудь еще, скажите мне, не стесняясь». (Ш. Бодлер, «Цветы зла»).

Байрон, а вслед за ним и Бодлер, отправляют своих героев (себя!) плыть по пространству и времени. Что необходимо человеку, чтобы на суету земную взглянуть со стороны, чтобы все увидеть, услышать и раздышаться? Разумеется, — Море!

Байрон:

«ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬДА»

*Наперекор грозе и мгле
В дорогу, рулевой!
Веди корабль к любой земле,
Но только не к родной!
Привет, привет, морской простор,
И вам — в конце пути —
Привет, леса, пустыни гор!
Британия, прости!*

*Тебя любил я, море! В час покоя
Уплыть в простор, где дышит грудь вольней,
Рассечь руками шумный вал прибоя —
Моей отрадой было с юных дней.
И страх веселый пел в душе моей...*

А вот Бодлер:

*Душа наша — корабль, плывущий в Эльдорадо. —
В блаженную страну ведет — какой пролив?
Вдруг среди гор и бездн, и гидр морского ада —
Крик вахтенного: — Рай! Любовь! Блаженство! — Риф!*

Единственный в этой троице, кто не любил моря — была Цветаева.

«Был большой спор о море, я единственная не люблю, т.е. имею мужество в этом признаться. Любить море — обязывает быть рыбаком, матросом, — а лучше всего Байроном (и пловец и певец). Лежать возле моря — не значит любить... Как я могу сказать, что люблю море, когда не плаваю, не гребу, не-не- не...»

1932 г. Из письма к А.Бахраху:

«Байрон в трагедию не рвется, он в ней живет, вне ее — не живет. Она за ним по пятам гонится и загоняет его в Албанию.

«...Дать себя совсем уничтожить: это либо полусумасшедший Гельдерлин за немым клавишином, либо — далеко не ходить — Андрей Белый, задохнувшийся под развалинами своего Петрограда. А наивысший подвиг сопротивления тому, чего под своими покровами и покрывалами жизни вождедем:

*Признай, что кем бы ни был ты в сем мире,
Есть нечто более прекрасное: НЕ БЫТЬ.*
(Байрон «Эвтаназия» 1812)

1934 г. Из письма Вл. Ходасевичу:

«Когда я, несколько лет тому назад, впервые подъезжала к Лондону, он был весь во мне — полный и цельный, сразу утренний, ночной, дождевой, с факелами, с Темзой, с лордом Байроном, Диккенсом и Оскаром Уайльдом —

Марина Цветаева

сосуществующими... Когда же я приехала в Лондон, я его не узнала. Было ясное утро — но где же Лондон туманов? Нужно ждать до вечера: но где же Лондон факелов? ...Лондон на моих глазах рассыпался в прах, ...а когда я догадалась закрыть глаза, я вновь увидела его — мой, целый, с Темзой, с Гайд-Парком, ... с королевой Елизаветой об руку с лордом Байроном...»

В августе 1939-го, находясь в Болшеве, Цветаева перевела на французский язык 12 стихотворений Лермонтова. В их числе:

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.*

Она перевела только 4 строчки этого стихотворения:

*Je suis un autre que Byron,
Nouveau sur cette terre ronde!
Comme Byron haï du monde,
Mais Russe jusqu' à mon tréfonds.*

О ком она говорила? — О Байроне, о Лермонтове, о себе. Три романтика — три гения... сошлись в одной строфе. **ИБ**